

ON HUMAN FACTOR INFLUENCE ON SEMANTIC PROCESSES IN THE LANGUAGE SYSTEM

V. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

In this article the author has considered methodological questions of ontology of language and manifestation of a human factor in it. The principle of anthropocentrism, which has become the leading one in modern linguistics, caused the formation of the paradigmatic pluralism, allowing to establish the main aspects of a dichotomy «language – the person». Importance of the cognitive aspect of this dichotomy allowing to define a community of linguocentric and anthropocentric approaches to the language is justified.

Keywords: anthropocentrism principle, «language–person» dichotomy, semantics, language picture of the world, cognitive status of the word, linguistic image of the person.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

О ВЛИЯНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Ли В.С., д-р филол. наук, профессор
Казакский национальный университет им. аль-Фараби,
Казакстан

В статье рассматриваются методологические вопросы онтологии языка и проявления в нем человеческого фактора. Принцип антропоцентризма, ставший ведущим в современной лингвистике, обусловил формирование парадигматического плюрализма, позволяющего установить основные аспекты дихотомии «язык – человек». Обосновывается важность когнитивного аспекта этой дихотомии, позволяющего определить общность лингвоцентрического и антропоцентрического подходов к языку.

Ключевые слова: принцип антропоцентризма, дихотомия «язык – человек», семантика, языковая картина мира, когнитивный статус слова, лингвистический образ человека.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i9.1260>

Вводные замечания

Современные общественные отношения и в целом современный мир, как известно, отличается небывалым ускорением процессов изменения и обновления во всех сферах человеческого бытия. Особенно заметны эти процессы в сфере науки. Наука о языке в этом отношении особенно показательна: лингвистика стала ведущей отраслью современного гуманитарного знания. Ее достижения используются не только во всех сферах общественной жизни, но оказывают огромное влияние на научно-исследовательский аппарат других отраслей знания. Лингвистический экспансионизм изменил облик и самой науки о языке.

Конец XX – начало XXI вв. в этой отрасли гуманитарного знания можно охарактеризовать, в соответствии с концепцией Т.С. Куна [8], как период экстраординарной науки, когда постепенно накапливающиеся в результате научных поисков аномалии и противоречия приводят к разрушению старой парадигмы и становлению новых стандартов видения мира, новых моделей постановки проблем и их решений. В этом проявляется феномен научной революции, когда не только пересматриваются постулаты «нормальной науки» и формируются новые парадигмы знания и когда перед научным сообществом ставятся новые вопросы о дальнейших путях разви-

тия соответствующей отрасли знания (в этом отношении весьма показательным названием книги одного из ведущих лингвистов современности Вяч. Вс. Иванова «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» [7] (см. также материалы сборника [13]). К числу таких актуальных вопросов, стоящих перед современной лингвистикой относится и вопрос о человеческом факторе в языке.

Основные подходы к характеристике человеческого фактора в языке

Бесспорно, лингвистика всегда занималась проблемой «язык и человек» или во всяком случае имела ее в виду, лишь на разных этапах истории науки и в разных лингвистических школах (парадигмах) ставя акцент то на первом, то на втором компоненте этого дихотомического единства. Достаточно для этого обратить внимание на часто встречающиеся графические выделения типа «Человек и язык» или «человек и Язык» На наш взгляд, более правомерным было бы эту проблему вербализовать не с помощью сочинительного соединения понятий «человек» и «язык», а подчинительного, т.е. «язык человека» со следующими акцентами (графическими выделениями): «Язык человека» и «язык Человека». Эти два аспекта проблемы отражают разные подходы к языку, которые можно назвать лингвоцен-

трическим и антропоцентрическим (ср. два типа лингвистического описания у В.М. Алпатовова – системоцентрическое и антропоцентрическое) [1: 16]. При лингвоцентрическом подходе к языку исследователь ставит целью описание «Языка человека». Информация, полученная из анализа речевых проявлений, прежде всего информация об их содержательной стороне, помогает понять человека, его лингвистическую природу, которая варьируется в национально специфичных языковых репрезентациях, поскольку организация мира семантики во многом носит идиознатический характер. Достаточно полное описание человека невозможно без учета его лингвистической природы, поэтому необходимо различать не только «три разных плана существования самого человека – общий, биологический, во-первых, социальный и более конкретный, во-вторых, и личностный, индивидуальный, самый конкретный, в-третьих» [12: 16], но и добавить к этим характеристикам человека план лингвистический, что делает его не просто существом разумным, но и говорящим, *homo loquens*’ом. Исследование лингвистической природы человека является основной задачей антропологической лингвистики. Решение этой задачи поможет воссоздать образ человека и через него и с его помощью «наивную» (языковую) картину мира, описать основные системы, из которых складывается человек (см.

[2: 348-384]. Безусловно эти системы и составляющие их компоненты взаимодействуют друг с другом. Так, система восприятия физического мира у человека находится в тесных связях с ментальной системой, и эта связь, видимо, строится не столько на основе какого-либо их сходства, сколько на прямых, равноположенных и смежных отношениях, т.е. отношениях, полностью обусловленных когнитивными способностями человеческого сознания (ср. широко используемый термин «когнитивная семантика») (см., в частности, работу [4]). В лингвистической литературе уже обращалось на это внимание (см., например, сборники “Логический анализ языка”, в частности, [9]). Так, глаголы перцептивной сферы *видеть, смотреть, рассматривать, усматривать* и их производные, характеризующие зрительное восприятие, приобретают в русском (и не только в русском) языке когнитивный статус в таких примерах: *Никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем* (А. Чехов); *видеть* – ‘понимать’, ‘чувствовать’, ‘осознавать’. *Мы, взрослые люди, на детское горе смотрим очень легко. Разве может ребенок серьезно страдать?* (Н. Помяловский); *смотреть* – ‘относиться определенным образом к чему-либо’. Поэтому человек может “видеть насквозь” или “видеть” то, что существует лишь в его сознании и в подсознании (ср.: *видение, сновидение* и т.п.). Более того, когнитивный статус подобных глаголов позволяет “видеть” абстрактные понятия, действия, признаки: *Случается нередко нам И труд и мудрость видеть там, Где стоит только догадаться* За дело просто *взяться* (И. Крылов). Сомнение, уверенность, предположение, вероятность и др. подобные ментальные состояния и чувства, относящиеся к миру человека, могут быть описаны через зрительные ассоциации: *Он взял Подгорина под руку и все уводил его вперед, видимо, собираясь поговорить с ним о чем-то* (А. Чехов). *Этот скандал, несмотря на видимую ничтожность, обошелся ему дорого* (А. Чехов). На основе зрительного восприятия может передаваться и мир человеческих эмоций, в частности, удивление: *Где это ви-*

дано! Виданное ли это дело? Глаза бы мои не видели (глядели, видели)! Смотри-ка! и т.п.

Не менее интересная информация может быть извлечена из анализа слова *глаз*, именуемого сам орган зрения. Показательно употребление этого слова в русской паремии: *глаза горят* – ‘сильное желание’, *делать большие (круглые) глаза* – ‘удивляться’, *смотреть другими глазами* – ‘оценить с другой точки зрения’, *стоять в глазах* – ‘мысленно представить’, *закрывать глаза на что-нибудь* – ‘преднамеренно не обращать внимание’ и т.п. Таким образом, система физического восприятия, прежде всего зрительного, в лингвистическом мире человека тесно связана с его ментальным миром, и поэтому права Н.Д. Арутюнова, которая пишет: “В целом можно предположить, что зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые восприятия. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются скорее с его иррациональным началом. В этом смысле интуиция ближе к слуху, чем зрение. Для индоевропейских языков, по-видимому, характерно выдвижение на первый план глагола зрительного восприятия” [3: 113]. В создании лингвистического образа (портрета) человека, его внутреннего мира могут участвовать также языковые феномены, денотативно связанные с физическим миром и характеризующие, в частности, природные свойства тех или иных материальных объектов действительности или описывающие определенные процессы, свойственные им. Так, в русском языке глаголы *гореть, остыть* и прилагательные *горячий, холодный* в когнитивной функции описывают мир чувств и эмоций человека. Поэтому человек может “гореть ненавистью”, “гореть на работе”, у кого-то может “душа гореть” и т.п. Ср. также: *Инсаров давно кончил все свои сборы и горел желанием поскорее вырваться из Москвы* (И. Тургенев). *Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ездой, горело смелой удалью и твердой решимостью* (И. Тургенев). И с другой стороны: *Волнение злости во мне было столь сильно, что я не надеялся на верность руки и, чтобы*

дать себе время остыть, уступил ему первый выстрел (А. Пушкин).

Таким образом, при лингвоцентрическом подходе к языку человека мы можем извлечь из языковых (точнее – речевых) образований весьма интересные и очень полезные сведения о лингвистическом мире человека, описать образ и создать языковой портрет человека.

Проблема “язык человека” может быть рассмотрена и в ином плане, когда смысловой акцент ставится на понятие “Человек”. Сущность этого подхода в своеобразной, метафорической форме выразила Т.М. Николаева, когда она, разбирая случаи непрямого, оценочного воздействия на адресата (в высказывании ассертивная часть прячется под пресуппозитивную), пишет следующее: “Счастливая особенность лингвистики – в объекте, язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать. Таким образом лингвистам необходимо пройти три этапа: “Как это устроено?” + “Как это функционирует?” + “Как можно всем этим манипулировать?” [10: 154].

Манипулирование языком связано с речемыслительной деятельностью человека, с его способностью, опираясь на знания о мире, знание словаря и грамматики языка, разрабатывать языковые сценарии, расписывать и задавать роли для участников “языковой игры”. При таком подходе в центре внимания лингвиста оказывается язык Человека, языковая компетенция субъекта, т.е. использование языка, его функционирование в речи, что в конечном итоге способствует верификации языка-речи как онтологически цельного, единого феномена. Такой взгляд на язык (антропоцентрический) заставляет обратить особое внимание на факты, которые по традиции выносились за рамки языковой системы и интерпретировались как явления маргинального характера (порой они вообще не замечались). По существу маргинальными и несущественными они были в поле зрения исследователя, в его сознании, а не в самом языке, которым пользуется человек. Методологически это мотивировалось поис-

ками общей системы, желанием быть более объективным в своих наблюдениях и выводах, стремлением разработать казавшиеся точными методы исследования с целью приблизиться к сущности рассматриваемого объекта. Так понимаемая объективность, осознанное неприятие субъективного (= человеческого) фактора обернулись оборотной стороной. Лингвистика стала квазиестественной, псевдоточной наукой. И прав, видимо, был А.А. Потебня (многие его идеи вновь оказались актуальными для современного языкознания), когда в споре с Н.П. Некрасовым о значении грамматических форм писал: “Такое отвлеченное, а равно и вышеупомянутое общее значение корней и вообще “общее значение слов”, как формальное, так и вещественное, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может. Языкознание не нуждается в этих “общих” значениях... Общее в языкознании важно и объективно только как результат сравнения не отдельных значений, а рядов значений, причем этим общим бывают не сами значения, а их отношения. В этих случаях языкознание доводит до сознания те аналогии, которым следует бессознательно творчество языка” [11: 43].

“Творчество языка”, как и любое другое творчество, всегда субъективно и скрытно в том смысле, что сам этот акт индивидуален, и в продукте творческой деятельности он всегда проявляется неявно, т.е. имплицитно. Имплицитность в языке есть не что иное, как следствие функционирования языка-речи, как результат использования языка человеком, результат манипуляций самого языка и манипулирования им, совершаемого homo loquens’ом. Подобное проявление “человеческого фактора в языке” можно заметить на всех его уровнях и во всех типах его речевых реализаций. В качестве иллюстративного материала можно рассмотреть случаи употребления в речи форм повелительного наклонения. Так, например, при описании некоторых ситуаций и событий в отрицательных конструкциях русского языка возможны лишь глаголы несовершенного вида, т.е.: *Не плюй в колодец*, но не **Не плюнь в*

колодец; Не решай задачу, но не **Не реши задачу; Не отвечай на его вопросы*; но не **Не ответь на его вопросы; Не одевайтесь слишком тепло*; но не **Не оденьтесь слишком тепло* и т.п. Как тонко подметила Т.В. Булыгина, “в форме совершенного вида не могут выступать глаголы, обозначающие действие, зависящее от воли субъекта” [5: 341]. В качестве примеров приводятся такие случаи правильного и аномального употребления: *Смотри-те носов не отморозьте* при сомнительном *?Не отмораживайте носов; Не поскользнься; Не стукнься*; но невозможно **Не защити диссертацию; *Не плюнь в колодец; *Не помой посуду; *Не подари ей эту книгу; *Не поиди за хлебом*. Действительно, значение ‘зависит/не зависит от воли субъекта’ следует признать в данном случае одним из дифференциальных признаков видового противопоставления русского глагола. Ср.: *Не надай* (‘зависит от воли субъекта, ситуация может контролироваться им’) – *Не упади* (‘ситуация не контролируется субъектом, но зависит от случая и каких-то непредсказуемых обстоятельств’). Совершенный вид, как можно заметить, обозначает действие, не контролируемое субъектом, не подвластное ему, что особенно ярко выступает в таких примерах: *Не властны мы в поместиях своих. Не смеи согнать ленивца! Рад не рад, Корми его, не смеи переманить Работника!* (А. Пушкин).

В связи с таким характером видового противопоставления под влиянием воли говорящего субъекта примеры, приводимые Т.В. Булыгиной, нельзя признать абсолютно корректными. Впрочем, это замечание можно отнести и к другим работам по грамматической семантике, в которых иллюстративная часть не всегда обоснованно обозначается звездочкой (*), указывающей на аномальность, неправильность соответствующей фразы или запрет, накладываемый языковой системой. Однако “манипуляция” языка и “манипулирование” языком позволяют обойти эти запреты. В этом сказывается проявление человеческого фактора в языке, воля говорящего субъекта, способного преодолевать запреты и ограничения. В конкретном случае с приведенными

примерами снять ограничения позволяет введение в контекст показателя случайности, непредсказуемости, ошибочности, непреднамеренности, например: **Не плюнь в колодец – Не плюнь сослепу в колодец. *Не помой посуду – Не помой по ошибке чужую посуду. *Не подари ей эту книгу – Не подари ей случайно эту книгу.*

В этом проявляется также одно из ключевых свойств языка Человека – примат содержания над формой, способность преодолевать сопротивление со стороны формы языка. В конкуренции между семантикой и формой побеждает первая, в чем можно еще раз убедиться при внимательном анализе приведенных примеров: *Не дади ей эту книгу* – несовершенный вид – действие контролируется субъектом; форма глагола конгруэнтна семантике. **Не подари ей эту книгу* – совершенный вид – запрет на форму наложен семантикой ‘действие, не контролируемое субъектом’. *Не подари случайно ей эту книгу*; неконгруэнтность между формой и семантикой преодолена в пользу семантики (словом *случайно*, с помощью которого актуализируется значение неконтролируемости ситуации. Приоритет семантики над грамматической формой А.А. Потебня выразил следующим образом: “Есть языки, в коих подведение под общие схемы, каковы предмет и его пространственные отношения, действие, время, лицо и пр., требует каждый раз нового усилия мысли. То, что мы представляем формою, в них является лишь содержанием, так что грамматической формы они вовсе не имеют” [11: 3]. Действительно, преодоление формы “требует каждый раз нового усилия мысли”, и эта работа мысли связана не с соблюдением формальных грамматических правил (это, по словам А.А. Потебни, “не обходится нам... почти ни во что” [11: 37], а с подведением “содержания под общие схемы”. Эти мысли А.А. Потебни созвучны с современными представлениями о сущности грамматики. В подтверждение этого приведем высказывание А. Вежицкой: “... грамматика кодирует значения. Она представляет собой не систему правил для порождения грамматически верных предложений, но систему правил для порождения

дения и интерпретации осмысленных высказываний. Главная проблема говорящего заключается не в том, чтобы породить грамматически правильные предложения, а в том, чтобы сказать то, что он хочет сказать, и понять то, что говорят другие" [6: 30-31]. При таком подходе к грамматике и ее категориям, в частности к морфологическим, грамматические формы и грамматические значения – это не просто строевые элементы языка, а маркеры, с помощью которых при создании осмысленных, семантически референтных (отмеченных) высказываний высвечиваются воля и намерения говорящего субъекта (то, что принято называть иллюкутивными силами). В роли маркеров могут выступать также единицы, которые по традиции не подпадают под категории грамматики, но говорящий их использует наравне с последними.

Заклучение

Антропоцентрический подход к языку, ориентированный на мир семантики и ментальной деятельности человека, заставляет пересмотреть многие сложившиеся теории, обратить внимание на факты, не замеченные "глазами" прежних концепций, приблизиться к сущности языка и его человеческой природе, поэтому следует признать, что антропоцентризм как ведущий общенаучный принцип открывает новые перспективы перед лингвистикой.

References:

1. Alpatov V.M. Predvaritel'nye itogi lingvistiki XX veka [Preliminary results of the XX century linguistics]. *Lingvistika na ishode XX veka: itogi i perspektivy: Tezisy mezhdunarodnoj konferencii* [Linguistics at the end of the XX century: results and prospects: Theses of the international conference]., Vol. I. – Moskva., MGU, 1995., pp. 16-19.
2. Apresjan Ju.D. *Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija* [Image of a person according to language data: attempt to make the system description]., Apresjan Ju.D. *Izbrannye trudy* [Selected works].

Vol. II. – Moskva., *Jazyki russkoj kul'tury* [Russian culture languages], 1995., pp. 348-384.

3. Arutjunova N.D. "Polagat'" i "videt'" (k probleme smeshannyh propozicional'nyh ustanovok) [«To believe» and «to see» (on the problem of the mixed propositional installations)]. *Logicheskij analiz jazyka* [Logical analysis of the language]. *Problemy intensional'nyh i pragmaticheskikh kontekstov* [Problems of intensional and pragmatical contexts]. – Moskva., Nauka [Science], 1989., pp. 107-119.

4. Boldyrev N.N. *Kognitivnaja semantika* [Cognitive semantics]., *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. – Tambov., Publishing house of TGU named after G.R. Derzhavin, 2014. – 236 p.

5. Bulygina T.V. *O granicah i sodержanii pragmatiki* [About limits and contents of pragmatics]., Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world (on material of the Russian grammar)]. – Moskva., *Jazyki russkoj kul'tury* [Russian culture languages], 1997., pp. 325-350.

6. Vezhbickaja A. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. – Moskva, *Russkie slovari* [Russian dictionaries], 1997. – 416 p.

7. Ivanov Vjach. Vs. *Lingvistika tret'ego tysjacheletija: Voprosy k budushhemu* [Linguistics of the third Millennium: Questions to the future]. – Moskva., *Jazyki slavjanskoj kul'tury* [Slavic culture languages], 2004. – 208 p.

8. Kun T.S. *Struktura nauchnyh revolucij* [Structure of scientific revolutions]. – Moskva, «AST», 2009. – 310 p.

9. *Logicheskij analiz jazyka. Adresacija diskursa* [Logical analysis of language. A discourse addressing]., Edited by N.D. Arutjunova. – Moskva, Publishing house «Indrik», 2012. – 512 p.

10. Nikolaeva T.M. *Lingvisticheskaja demagogija* [Linguistic demagoguery]., *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and problems of an intentionality].

– Moskva., Nauka [Science], 1988., pp. 152-177.

11. Potebnja A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From notes on Russian grammar]., Vol. I-II. – Moskva., *Prosveshhenie* [Enlightenment], 1958. – 536 p.

12. *Chelovecheskij faktor v jazyke: Jazyk i porozhdenie rechi* [A human factor in language: Language and generation of speech]. – Moskva., Nauka [Science], 1991. – 412 p.

13. *Modern Linguistic systems as Instruments of the Reality Transformation: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXVI International Research and Practice Conference and II stage.* – 2014.

Литература:

1. Алпатов В.М. Предварительные итоги лингвистики XX века // *Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции.* Т. I. – М.: МГУ, 1995. – С. 16-19.

2. Апресян Ю.Д. *Образ человека по данным языка: попытка системного описания* // Апресян Ю.Д. *Избранные труды.* Том II. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 348-384.

3. Арутюнова Н.Д. "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* – М.: Наука, 1989. – С. 107-119.

4. Болдырев Н.Н. *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику.* – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

5. Бulyгина Т.В. *О границах и содержании прагматики* // Бulyгина Т.В., Шмелев А.Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики).* – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 325-350.

6. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание.* – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

7. Иванов Вяч. Вс. *Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему.* – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

8. Кун Т.С. *Структура научных ре-*

волюций. - М.: «АСТ», 2009. — 310 с.

9. Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – 512 с.

10. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Наука, 1988. – С. 152-177.

11. Потебня А.А. Из записок по

русской грамматике. Том I-II. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.

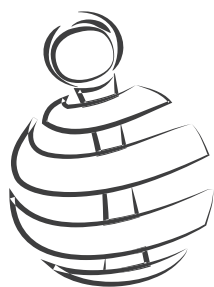
12. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. - 412 с.

13. Modern Linguistic systems as Instruments of the Reality Transformation: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXVI

International Research and Practice Conference and II stage

Information about author:

Valentin Lee - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: li-vs@mail.ru

**INTERNATIONAL
ACADEMY**
OF INTELLECT AND QUALITATIVE PROGRESS

CERTIFICATION «ICSQ-775»

- ◆ Standart certification
- ◆ Operative certification

PATENTING IOSCEAAD-775

- ◆ Standart patenting
- ◆ Operative patenting

ACCREDITATION

- ◆ Authoritative accreditation
- ◆ Procedural accreditation
- ◆ Status accreditation
- ◆ Membership accreditation
- ◆ Expert accreditation

<http://academy.iuci.eu>